

периоды всецело поглотившие разные политические объединения хурритов.

Краткой характеристикой отдельных сторон социально-экономической жизни хурритского общества по материалам архивов Аррапхи и Нузи автор рецензируемой работы посвящает специальную четвертую главу «Институты и право» (стр. 79—98). Безоговорочно объявляя хурритское общество эпохи Аррапхи и Нузи феодальным, Ф. Импарати знакомит читателей с рядом терминов, имеющих прямое отношение к структуре социально-экономической организации хурритского общества, совершенно игнорируя существование общинных отношений указанного общества, столь убедительно выявленных советскими учеными²⁷.

В связи с характеристикой терминов *ilku*, *dimtu* и *qīštu* автор рассматривает и *maṣūtu* «усыновление», но не менее важные термины социального значения, имеющие прямое отношение к указанным выше, — *ewtu* и *abḥūtu* («братство») — не упоминаются²⁸. Из административных должностей, засвидетельствованных в текстах из Аррапхи и Нузи, Ф. Импарати останавливается лишь на довольно высокой должности — *ḥašuhlu*. В функции занимавшего эту должность лица входило, по мнению автора книги, управление царскими землями, вплоть до распределения их. Не исключено, что указанное должностное лицо выполняло также военные и судебные функции.

Вкратце рассматривает автор вопросы о найме, залоге (в связи с *tuppi titennūti*), поручительстве, браке и семье по сведениям текстов из Аррапхи и Нузи, приводя краткие данные и о системе уголовной ответственности членов интересующего нас общества. В конце четвертой главы Ф. Импарати дает переводы некоторых текстов, имеющих большое значение с юридической точки зрения.

В указанной части книги обращает на себя внимание то, что картина социально-экономического развития хурритского общества представлена автором весьма неполно. Здесь, так же как и во всей книге, нет характеристики земледелия, скотоводства и ремесла, несмотря на то, что клинописные источники из Аррапхи и Нузи дают обильный материал по этому вопросу. Воздерживается автор и от характеристики отдельных категорий людей указанного

общества (*ḥurṣu*, *nīš*, *bīti*, *ḥabiru*, *ṣuhāru* и т. д.). Особенно бросается в глаза почти полное умолчание автором о существовании в Аррапхе и Нузи института рабства. Ничего не говорится о социальном и имущественном расслоении хурритов во II тыс. до н. э. и т. д.

Большое место занимает в книге пятая глава, в которой подробно повествуется о религии хурритов (стр. 99—127). В этой части работы умело использованы результаты исследований последних лет, в том числе и выводы, полученные Э. Лярошем относительно взаимоотношений хурритского и хеттского пантеонов. Для изучения хурритской религии громадное значение имеет то обстоятельство, что представленный в Язылыке пантеон как по последовательности богов и богинь, так и по названию (в довольно неразборчивых приписках) отдельных фигур оказался хурритским.

Хурриты почитали не только божества собственного пантеона, но и чужеземных богов, в частности месопотамских. Во главе пантеона стояла божественная пара: бог бури и погоды Тешуб (шум. Ишкур, вав. Адад, протохетт. Тару) и его супруга Хепат, почитаемые, кроме собственно хурритской территории, в различных странах Ближнего Востока (встречаются и в теофорных именах разных периодов). Их сына Шарруму следует отождествить с богом бури и погоды хеттских городов Нерик и Циппалаанда. Шимеги (=месоп. Шамаш, протохетт. Иштану) олицетворял бога солнца, а Шаушка (месопот. Иштар, шум. Инанна) — богиню войны и любви.

Далее подробно рассматриваются бог луны Кушух/Купах (месопот. Син), отец богов Кумарби, великая мать-богиня Кубаба/Кувава (прототип фригийской богини Кибеле/Кибебе) и многие другие второстепенные представители хурритского пантеона. Специально останавливаясь на характеристике пантеона Язылык, автор говорит о влиянии хурритской религии на хеттскую, а далее — на религию Кицуватны. В связи с верованиями хурритов Ф. Импарати рассматривает и эпический цикл относительно Кумарби и Улликумми, отмечая роль хурритской литературы для истории мировой культуры. Как уже указывали специалисты, выявляются известные контакты с древнегреческой традицией, а именно с гесиодовским мифом о Тифоне и повествованием Гесиода о переходе власти от Урана к Кроносу, а далее от этого последнего — к Зевсу (стр. 124 сл.).

В этой интересной части рецензируемой книги, к сожалению, не учтена работа известного хеттолога Г. Оттена²⁹ относи-

²⁷ Особенно см. Н. Б. Я н к о в с к а я, Землевладение большесемейных домовых общин в клинописных источниках, ВДИ, 1959, № 1, стр. 43 сл.; И. М. Д ь я к о в о в, Община на древнем Востоке в работах советских исследователей, ВДИ, 1963, № 1, стр. 16 сл.

²⁸ Н. Б. Я н к о в с к а я, Из истории хурритского общества по материалам юридических документов из Аррапхи, М., 1960, 12 стр. (=АС10, I, стр. 226—232).

²⁹ H. O t t e n, Die Götter Nupatik, Pirinkir, Hešue und Hatni-Pišaišaphi in den hethitischen Felsreliefs von Yazilikaya, «Anatolia», IV, 1959, стр. 27—37.

тельно некоторых божеств пантеона Язылыккая. Значение же указанной работы Г. Оттена довольно важно, так как в ней устанавливаются хурритские названия богов №№ 32—30 скульптурной галереи Язылыккая, известных только по идеограммам. Выясняется, что хурритское название бога № 32 — Нупатик (отождествление этого последнего с Забаба, как это делает Импарати на стр. 113, не оправдано), бога № 31 — Пиринкир, бога № 30 — Хешуе (= Забаба). Быков-людей (№№ 29—28) отныне следует называть Хатни и Пишайшапхи, а не Хурри и Шерри. Важен и незамеченный Импарати вывод Г. Оттена о тождестве хурритского бога Танимшшу с месопотамским Нинурта, что исключает тождественность этого последнего с Шувалият.

Предпоследняя, шестая глава рецензируемой работы (стр. 129—134) посвящена вопросам искусства хурритов и его влияния на искусство соседей, в первую очередь хеттов. Здесь по материалам из Нузи, Алалаха, Тель-Халафа, Бозгазие и других областей древнего Востока даны крат-

кие сведения относительно керамики, глиптики, скульптурного искусства и архитектуры хурритов.

Много интересного найдут читатели в заключительной главе (стр. 135—149), где рассказывается о первом появлении, разведении и применении лошадей в странах древнего Востока. Автор использует богатую научную литературу о коневодстве, с основными положениями которой читатель может детально ознакомиться по названной выше фундаментальной монографии А. Камменхубер относительно коневодства у хеттов.

Закачивая нашу рецензию, считаем нужным отметить, что несмотря на перечисленные выше порой серьезные недостатки, книга Ф. Импарати, содержащая общие сведения о хурритах, безусловно окажет определенную помощь широким кругам читателей, интересующихся историей, культурой и религией этого все еще малоизученного этноса древнего Востока.

Г. Г. Гиоргадзе

НОВАЯ КНИГА О «ПОЛИТИКЕ» АРИСТОТЕЛЯ

EGON BRAUN, *Das dritte Buch der aristotelischen «Politik» Interpretation*, Wien, 1965 (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte, Bd. 247, Abh. 4), 292 стр.

Третья книга Политики Аристотеля, в которой автор дает определения ряда основных понятий государствоведения, привлекает к себе интерес исследователей (помимо своего содержания) с двух точек зрения. Во-первых, в ней далеко не всегда ясен ход мыслей Аристотеля, что дает повод к разным предположениям о композиции и творческой истории этой книги. Во-вторых, некоторые места и особенно конец III книги послужили основанием для вывода, будто она непосредственно вводит в изображение идеального строя, описанного в VII—VIII книгах; следовательно, думают некоторые исследователи, эти две последние книги представляют собой естественное продолжение III и должны занять место перед книгой IV, которая, как и весь комплекс книг IV—VI, первоначально шла за книгой VIII.

Книга Эгона Брауна, известного знатока политических произведений Аристотеля, дает интерпретацию III книги Политики. По существу она целиком обращена к двум указанным выше проблемам. Сам автор предупреждает читателя в предисловии, что его целью не является исчерпывающий экзегетический и языковой комментарий (стр. 5). Поэтому его интерпре-

тация ни в какой мере не претендует на соперничество с комментарием Ньюмэна (он мог бы добавить — и Зуземиля). Читатель книги очень скоро убеждается в том, что старые комментарии к Политике Аристотеля и новый труд Брауна взаимно друг друга дополняют. Самодовлеющая интерпретация отдельных мест сравнительно мало интересует Брауна; можно даже сказать, что он предполагает у своих читателей хорошее знакомство со старыми толкованиями трудных (со стороны реалий или языка) мест III книги Политики.

Характерная особенность интерпретаций Брауна — это их направленность. Тщательно прослеживая ход мыслей Аристотеля, не увлекаясь легкими поисками неувязок, противоречий, лакун и, наоборот, предлагая правдоподобные объяснения подобных (часто мнимых) дефектов, Браун показывает, что III книга Политики представляет собой, с логической точки зрения, единое хорошо продуманное целое. То же внимательное чтение текста Аристотеля привело исследователя к другому солидно обоснованному выводу: вопреки распространенному мнению, книги VII—VIII не обнаруживают тесной смысловой связи с книгой III, так что отпадает надоб-

ность в их перестановке. Повсюду читатель найдет у Брауна полемику с учеными, защищающими противоположные взгляды. Приведем несколько примеров интерпретаций Брауна. В первую очередь — примеры объяснений связи мыслей Аристотеля или не совсем ясной отдельной мысли.

Предоставляя массе граждан право выбирать должностных лиц и принимая от них отчеты, Аристотель ставит вопрос, не будет ли несообразным отдавать эти важнейшие функции в руки людей, которых он называет φαῖλοι, т. е. худшими, не вполне ценными; не получится ли, что эти последние окажутся обладателями большей власти, чем люди «порядочные» — ἐπίεικεις (1282a, 25 сл.). Здесь Браун (стр. 116 сл.) обращает внимание на характерный для Аристотеля способ разрешения такого рода апорий. Не судья, не член совета или участник экклесии является, по Аристотелю, господствующим, но суд, совет, народное собрание; отдельный судья, член совета или гражданин, участвующий в народном собрании, — только часть этих больших коллективных органов. По учению Аристотеля, такие коллективные органы представляют собой цельные единицы, в интеллектуальном и моральном отношении намного превосходящие отдельных людей, входящих в их состав. Мысль эта не раз выдвигается на протяжении всей Политики, что дает Брауну повод говорить об особой «суммирующей теории» (Summierungstheorie) Аристотеля.

Большой отрывок, охватывающий 35 строк тейбнеровского текста (1283b, 9—1284a, 3), на первый взгляд лишен внутреннего единства. Полемизируя с некоторыми из своих предшественников, Браун доказывает, что это первое впечатление является обманчивым (стр. 150 сл.). Выше у Аристотеля ставится теоретический вопрос, кому следует властвовать в государстве. В отрывке, интересующем Брауна, Аристотель рассматривает притязания на господство отдельных лиц и групп, отличающихся доблестью или богатством, или знатным происхождением, и находит все эти основания (ῥοι) несостоятельными. Эта линия рассуждения осложнена разного рода дополнительными вопросами и соображениями. Однако общий смысл отрывка не возбуждает сомнений — в нем дается ответ на поставленный выше вопрос. Если кое-где в цепи рассуждений не хватает заключительного звена, то оно обычно легко дополняется.

В начале 14 главы (здесь и дальше главы нумеруются по изданию Беккера) говорится: ἵσως δὲ καλῶς ἔχει μετὰ τοὺς εἰρημένους λόγους μεταβῆναι καὶ σκέψασθαι περὶ βασιλείας φανεῖν γὰρ τῶν ὀρθῶν πολιτειῶν μίαν εἶναι ταύτην (1284b, 35 сл.) «пожалуй, будет хорошо после сказанного перейти к рассмотрению царской власти; ведь мы утверждаем, что это один из правильных видов государственного устройства». Та-

кой переход к рассмотрению вопроса о царской власти Браун отказывается считать неожиданным или немотивированным (стр. 159 сл.). Выше речь шла о том, что законы должны иметь в виду не отдельных выдающихся людей, а граждан, не выделяющихся из общей массы; законодатель должен заботиться о том, чтобы предотвратить возможность ситуаций, которые влекли бы за собой необходимость применения остракизма и других подобных мер. Употребив глагол μεταβῆναι, автор Политики тем самым предупреждает читателя о переходе к новой теме. Переход мотивируется (γάρ) тем, что монархия причисляется Аристотелем к правильным формам правления. Таким образом, новая тема связывается и с рассуждением Аристотеля в одной из предшествующих глав, где дается классификация форм правления (1279a, 33 сл.), и с последующими книгами IV—VI (так называемый эмпирический блок), в которых подробно обсуждаются разновидности отдельных политических форм. Если в интересующем нас месте Аристотель начинает с монархического устройства, то это вполне закономерно, так как выше (1279a, 33 сл.) именно монархия стоит на первом месте, а непосредственно перед переходом речь идет об идеальной царской власти, основанной на абсолютном превосходстве правителя над управляемыми в доблести.

Исторический экскурс о последовательности возникновения разных форм правления (1286b, 8 сл.) имеет целью, как указывалось до появления книги Брауна, показать развитие всех форм из монархии. Наш автор, соглашаясь с таким объяснением, усматривает в этом экскурсе еще один аспект (стр. 194). Аристотель только что обосновывал положение о предпочтительности аристократии перед монархией, здесь же он вынужден признать исторический факт хронологического первенства царской власти перед аристократией. Причину установления единоличного правления Аристотель видит не только в редкости обладания высокой степенью доблести, но и в важном, с его точки зрения, а потому и особенно подчеркиваемом им обстоятельстве, что обладатели высокой доблести оказывали государствам благодеяния. Браун напоминает также об одном методическом указании Аристотеля в той же III книге, согласно которому правильные государственные формы должны по времени предшествовать неправильным (1275a, 38 сл.). Попутно следует отметить ту тщательность, с какой Браун выискивает и использует для своих интерпретаций разбросанные в Политике методические замечания (Methodicum), чтобы осветить с их помощью разные места трактата, а не только ближайший к этим замечаниям контекст.

Место о свойствах народной массы, подходящих для монархии, аристократии и так называемой политики (1288a, 6 сл.),

вызвало у исследователей сомнения со стороны как сохранности текста, так и целесообразности рассуждений Аристотеля в данном контексте. Вслед за разбором вопросов, касающихся царской власти, естественно упомянуть о свойствах народной массы, соответствующих монархическому режиму (*βασιλευτὸν πλῆθος*). Наоборот, обсуждение свойств народной массы, нужных для поддержания аристократического правления (*ἀριστοκρατικὸν πλῆθος*) и политики (*πολιτικὸν πλῆθος*), не может, как думает ряд исследователей, считаться уместным. Было высказано предположение, что в текст попало замечание, сделанное на полях. Перечислив мнения своих предшественников, Браун противопоставляет им свое понимание замысла Аристотеля (стр. 228 сл.). Он обращает внимание на тесное переплетение в III книге Политики темы царской власти с темой аристократии и таким образом устраняет сомнение в закономерности соединения этих тем в рассматриваемом месте. Что же касается третьего вида народной массы («политического»), то контекст не требовал обязательного упоминания о нем. Однако занимавшийся выше особенностями идеальной монархии и говоривший о взаимоотношении между «наилучшим мужем» и «всеми» Аристотель предполагает квалифицированную народную массу — людей, которых он называет «равными и одинаковыми» (1286а, 24 сл.), тем самым отличая ее как от народной массы, подходящей для царей, так и от подходящей для аристократии.

Начальные слова 15 главы — ὅσπερ γὰρ ἡ οἰκονομικὴ βασιλεία τις οἰκίας ἐστίν, οὕτως ἡ παρβασιλεία πόλεως καὶ ἔθνοους ἐνὸς ἢ πλείονων οἰκονομία (1285b, 31 сл.) «подобно тому как домоуправление есть некая царская власть над домом, так и всеобъемлющая царская власть в полисе и в одном или нескольких племенах есть домоуправление». Для Брауна это не простая переходная формула, а нечто большее. Предшествующий набросок исторических форм монархической власти ясно показывал читателю, что всеобъемлющая царская власть является естественным продолжением исторических форм этой власти путем расширения ее функций κατὰ τὴν οἰκονομικὴν, т. е. в плане домостроения, а не в плане деспотического господства. Именно такое расширение дает возможность царю полностью реализовать то, что, по теории Аристотеля, составляет самую сущность монархического правления (стр. 270 сл.).

Нет надобности увеличивать количество примеров. Приведенных достаточно для ознакомления с методикой интерпретаций Брауна, опирающихся на точный смысл соответствующих пассажей Политики и на смысловую связь их с контекстом, не только ближайшим, но и более обширным. Автор разбираемой книги считает свою задачу выполненной, когда он находит оп-

равдание для аристотелевского текста в том его виде, в каком мы его имеем.

Рассмотрим еще несколько примеров защиты Брауном традиционного порядка книг Политики. Применительно к книге III дело сводится (как уже отмечено выше) к доказательству отсутствия непосредственной связи между этой книгой и книгами VII—VIII. Рационально будет затронуть здесь же некоторые места книги Брауна, где он ратует за исконность текста в том виде, в каком он до нас дошел.

В одном знаменательном месте III книги Аристотель говорит, что разбор вопросов о желательной величине полиса, количестве населения и составе его в смысле однородности он откладывает на другое время (1276а, 30 сл.). Браун (стр. 29 сл.) признает, что, откладывая вопрос о количестве населения, Аристотель мог бы иметь в виду одно место VII книги (1326а, 16 сл.). Вопрос о составе населения излагается в V книге. Отсюда, однако, вовсе не следует, что V и VII книги были уже написаны, когда создавалась III книга. Аристотель мог наметить занятие определенными вопросами на более позднее время, не подразумевая при этом, что эти вопросы уже разработаны им в какой-либо заготовке для последующих книг трактата.

Отмечает Браун и всякую мысль о том, что соображения Аристотеля в III книге о взаимоотношении между доблестью хорошего человека и доблестью дельного гражданина (1277а, 40 сл.) прямо обращены к идеальному государственному строю, описанию которого посвящены книги VII—VIII (стр. 49 сл.). В этих последних книгах совпадение двух видов доблестей само собой разумеется, тогда как в книге III оно оказывается предметом дискуссии, так как речь идет о государстве аристократического типа.

Браун опровергает аргументацию, при помощи которой пытались выделить из книги III некоторые отрывки, более подходящие будто бы для книг VII—VIII и, следовательно, представляющие собой позднейшие вставки в III книгу, сделанные самим Аристотелем. В частности, сюда относятся слова Аристотеля о претензии равноправных граждан поочередно занимать государственные должности (1279а, 8—16). Проанализировав их, Браун не находит в них специфической близости с содержанием последних книг трактата (стр. 64 сл.; ср. также рассуждения Брауна по поводу другого места Политики — стр. 96 сл.).

Выступает Браун и против часто высказывавшегося мнения, будто классификация форм монархического правления — εἰδη βασιλείας (1284b, 40 сл.) — не могла быть в первоначальном тексте Политики (стр. 169 сл.). В основе опровергаемого Брауном взгляда лежало одно соображение: когда Аристотель строил в III книге свою систему шести государственных устройств, он думал о строго ограниченных

твердых государственных понятиях и был далек от развиваемой им в последующих книгах Политики мысли о существовании разновидностей в пределах каждой из шести выделенных им форм. Отсюда делается вывод: описание разных видов царской власти могло быть сделано и вставлено в III книгу уже после написания книг IV—VI. Браун справедливо возражает, что классификация шести форм правления отнюдь не предполагает игнорирования реальной действительности с ее многообразием; в III книге имеется достаточное количество прямых ссылок на исторические факты, не говоря уже о том, что и не снабженные историческими ссылками положения Аристотеля предполагают хорошее знакомство с государственными порядками прошлого и настоящего.

О последней главе III книги Браун замечает, что она является самой короткой и вместе с тем вызывающей больше всего вопросов (стр. 235). В конце главы (т. е. в конце книги) находится обещание: «следует уже попытаться говорить о наилучшем государственном устройстве (περί τῆς πολιτείας... τῆς ἀρίστης), каким образом оно появляется и организуется» (1288b, 2 сл.). Это обещание не выполняется в ближайших книгах. Описание наилучшего, с точки зрения Аристотеля, государственного строя находится, как известно, в книгах VII—VIII. Многие исследователи на этом основании переставляли две последние книги в середину трактата, помещая их между книгами III и IV. Другие, протестуя против такой перестановки, искали объяснения факту отступления Аристотеля от им же самим намеченного плана. Браун идет и здесь своим собственным путем (стр. 238 сл.). Он не видит в идеальном строе, изображенном в последних книгах Политики, ту ἀρίστη πολιτείαν, какой она могла рисоваться Аристотелю в III книге, где преимущество отдается монархическому и аристократическому устройствам, не совпадающим с идеальным устройством в книгах VII—VIII. Таким образом, нет прямого и гладкого перехода от книги III к книгам VII—VIII.

Очень удачно автор резюмирует на 34 страницах (стр. 247—281) все содержание своих предыдущих интерпретаций.

В конце книги помещены отпечатанные мелким шрифтом замечания, относящиеся к критике текста (стр. 283—292). Отметим те из них, которые представляются нам наиболее интересными.

1281a, 1 — Иммиш читает: πόλις δὲ ἡ γένων καὶ κοινὴν κοινωνία ζωῆς τελείας καὶ αὐτόρρους (χάριν). Последнее слово добавлено Скалигером, который зато атетирует слово χάριν в строке третьей (в чем, впрочем, позднейшие издатели за ним не следуют). Браун не принимает поправки Скалигера, толкуя родительный падеж ζωῆς τελείας καὶ αὐτόρρους, как genetivus explicativus при κοινωνία — «сообщество из родов и деревьев, обладающее совер-

шенной и самодовлеющей жизнью».

1281a, 41 — вопрос о том, что главенствовать в государстве должна народная масса, а не немногие «лучшие», мог бы быть, как кажется Аристотелю, разрешен — δοξεῖεν ἂν λέγεσθαι. Этот последний глагол, засвидетельствованный здесь рукописным преданием и принятый в текст Иммишем, оказался некоторым филологам сомнительным. Были сделаны попытки заменить его другими глаголами — λείπεσθαι (Ньюмэн), λέγεσθαι (Ричардс, Росс). Браун отвергает первую конъектуру, ссылаясь на то, что она, как видно из дальнейшего, снимаемая разбираемый вопрос, оставляет нерешенными другие. С полным основанием не принимается Брауном и вторая конъектура: простое λέγεσθαι не дает хорошего смысла; поэтому перед этим словом вставляют наречие εὖ, т. е. прибегают уже к более радикальному исправлению текста (по смыслу, как замечает Браун, скорее подходило бы λεχτέον). Рукописное чтение λέγεσθαι находит себе опору в стоящих ниже словах τῇ... ἀπορίαῖν λέγεῖεν ἂν τις (1281b, 22), где тот же глагол поставлен в действительном залоге.

В разбираемом месте есть и другое слово, по поводу которого возникли споры. Сразу же после слова λέγεσθαι рукописи дают — καὶ τιν' εἶναι ἀπορίαν, τὰχα δὲ καὶ ἀλήθειαν «и содержит в себе некую апорию, а возможно, и истину». Вместо слова ἀπορίαν, непонятного в данном контексте, Вилламовиц предложил чтение ἀπολογία, т. е. «оправдание», что дает уже вполне удовлетворительный смысл. Браун, видимо, искал способы защитить рукописную традицию. Контекст, говорит он, подсказывает здесь слово, обозначающее некое понятие, по отношению к которому ἀλήθεια является усилением; было бы хорошо, если бы в слово ἀπορία можно было бы вложить мысль «вероятность». За неимением желательных параллелей Браун вынужден примириться с конъектурой Вилламовица.

1283a, 20 — оправдывая стремление благородных, свободных и богатых к занятию почетных должностей, так как на занятие их должны претендовать люди свободные и платящие налоги, Аристотель добавляет к этому, что требуется также справедливость и воинская доблесть δει... καὶ δικαιοσύνης καὶ τῆς πολέμικῆς ἀρετῆς. Слово πολέμικῆς засвидетельствовано частью рукописей, другая часть дает πολιτικῆς. Иммиш принимает чтение πολιτικῆς. Решительно высказывается в пользу этого чтения и Браун, напоминая о том, что справедливость входит в состав политической доблести, а потому и не может быть поставлена с ней рядом, тогда как понятия справедливость и военная доблесть не покрываются одно другим.

В заключение следует сказать, что значение книги Брауна определяется той позицией, какую занимает автор в дальнейшем уже больше столетия (если не считать отдельных ранних высказываний)

споре о состоянии текста Политики Аристотеля и, в частности, III ее книги. Хорошая сохранность текста, стройное развитие мысли, отсутствие убедительных доводов для перестановки книг Политики — вот те основные положения, которые развивает в своем глубоко продуманном комментарии Эгон Браун, этим самым давая

мощное подкрепление тем, кто, подобно ему, не признает выводов, сделанных представителями гиперкритического направления, которые с излишней подозрительностью подходят к рукописному тексту Политики Аристотеля.

А. И. Доватур

A. VERGER, *Ricerche giuridiche sui papiri aramaici di Elefantina*, Università di Roma, Centro di studi semitici, Studi semitici, 16, Roma, 1965, 225 стр.

Книга итальянского семитолога и юриста Александро Вержера посвящена в основном некоторым юридическим аспектам арамейских папирусов V в. до н. э., происходящих из иудейского военного поселения на Элефантине, но не ограничивается лишь этой темой. Автор дает здесь также весьма ценный историографический обзор публикаций и изучения арамейских папирусов из Египта вообще и непревзойденную библиографию вопроса как в специальном приложении (стр. 197—219), так и в I—II главах своего труда. Именно поэтому данная монография может служить и введением к ожидаемым публикациям арамейских острак (коллекция Ш. Кирмбы-Ганно) и папирусов из Гермополя, появления которых в печати ожидается в скором времени.

В I, вводной главе (стр. 13—35), помимо общей характеристики предмета дана история находок, раскопок и издания арамейских папирусов и острак из Элефантины, а также освещен общий вопрос о соотношении римского и древневосточного права.

Во II главе (стр. 37—78) дан очерк истории Египта V в. до н. э., периода господства Ахеменидов. Особое внимание уделяется здесь тем местам, откуда происходят источники на арамейском языке: Сиене (Элефантина), Гермополи, Фивам, Мемфису, Митгдолу. Далее следует изложение в хронологическом порядке данных о персидской администрации в Египте начиная с его завоевания Камбисом (525 г. до н. э.) вплоть до Артаксеркса II (404—398 гг. до н. э.), во время правления которого в Египте воцарился фараон Амиртей. В связи с этим А. Вержер приводит все данные арамейских папирусов, имеющих значение для изучения политической истории Египта. Вслед за этим автор излагает порядок гражданской и военной организации иудейской колонии в Элефантине; как и большинство исследователей автор относит основание этого поселения к концу VII — началу VI в. до н. э. Касаясь вопроса

чередования терминов *yhwdu* «иудей» и *gmy* «арамей». А. Вержер убедительно доказывает, что первый термин относится только к людям, исповедующим иудаизм, а второй охватывает более широкий круг лиц, говоривших по-арамейски, что не исключает, однако, вхождения в число обозначаемых термином «арамей» и первой группы, т. е. арамеоязычных пудеев. Автор отмечает, что у нас нет данных об этой иудейской колонии после 401 г. до н. э., однако вполне обоснованно отказывается делать какие-либо окончательные выводы о судьбе поселения после этого времени.

Дальнейшее изложение касается уже юридических вопросов. В III главе (стр. 79—104) рассматривается характер и формуляр юридического документа из Элефантины. Автор приходит к выводу, что надписи на печатях составлялись по египетскому образцу, но в то же время вступительные формулы документов в основном, насколько можно судить по данным Библии, зависят от таковых в допленной Иудее, и нашли свое дальнейшее развитие в иудейских документах II в. н. э. из Вави Мурабб'ата. В качестве основных составных частей документа автор выделяет: а) датировку, б) имена сторон, в) условия документа, г) имя писца, д) имена свидетелей. Хотя документы явно составлены по переднеазиатскому образцу, обнаруживая большое сходство с нововавилонскими, в них отразились и отдельные особенности египетских юридических актов.

Исследованию брачного контракта по папирусам Элефантины посвящена глава IV (стр. 105—130). Разбираются его формулы, анализируются случаи левиратного брака и развода по документам из Элефантины. Важно наблюдение автора, что мы не имеем еще здесь развитого до конца формуляра брачного контракта более позднего иудаизма, хотя отдельные элементы такового уже заметны.

«Прочие виды контрактов» разбираются в главе V (стр. 131—140); они касаются в